Чёрная быль

Впервые в жизни мне посчастливилось попасть в Киев в конце июля 1986 года, через два месяца после аварии на ЧАЭС. До этого много ездил по Союзу, но как-то все не туда, не в те концы: в Заполярье, в Казахстан, на Урал, в Сибирь, на Кавказ, в Крым, наконец. Согласитесь, более экзотично было из Питера заехать половить карасей размером с тещину сковородку в речке Онон, на берегу которой родился и вырос хан Чингиз. Или полюбоваться полярным сиянием в местечке Петсамо, где Союз нерушимый «отфарцевал» у зарвавшейся Финляндии никелевые рудники. Или один раз в жизни, но своими глазами, увидеть степную антилопу — сайгака, бегущего со скоростью курьерского поезда на восходе ослепительного азиатского солнца по-над обрывом безводного плато Устюрт, в сторону соленого озера Барса-Кельмес, что в переводе с тарабарского значит просто: «Пойдешь — не вернешься».

А такие цивилизованные местности, как Одесса, Киев, Париж, «Запарожье», — мы оставляли на потом, на «послепенсии». Довольствуясь их изучением по Бабелю, Паустовскому и Булгакову.

Но в тот год мне повезло. Повезло попасть в минсредмашевскую больничку с пневмонийкой в конце апреля, аккурат накануне Аварии — поэтому я не попал в аварийную зону в мае и июне, когда там было гораздо горячее. А ведь некоторые сотрудники нашего института были разбужены посреди апрельской ночи и чуть ли не на парашютах вместе со своей аппаратурой сброшены в чернобыльское пекло — для измерения радиации. Потому что когда это случилось — вдруг выяснилось, что нигде в стране, кроме нашего Радиевого института им. В.Г.Хлопина, нет необходимой аппаратуры и специалистов. И то сказать — где ж ей еще быть, как не в колыбели отечественной ядерной технологии.

Повезло выздороветь. Повезло, что наш завотделом, видный специалист по радиохимии океана, организовал экспедицию для изучения состояния водного бассейна в пределах 30-километровой зоны. Повезло, что, когда все специалисты по радиационному мониторингу внешней среды уже съездили в эту экспедицию (она работала в Зоне вахтовым методом — по две недели) и зав в поисках подходящего дилетанта пошел по коридору вверенного ему отдела, — первым на его пути попался я со своим еврейским счастьем. Повезло, что я никогда, ни до, ни после, не работал в области радиационного мониторинга внешней среды. И значит, никаких шансов попасть в мониторинговую экспедицию у меня не было, зато были большие шансы попасть на дезактивацию станции. Повезло, что шансов не было, но была подготовленная к защите диссертация.

Надо признаться, что у меня были возможности «закосить» от этой командировки: взять отпуск после болезни, снова заболеть, уйти в запой, наконец. А у зава было только одно — моя предстоящая защита, но в двух вариантах: или «не предстоящая», или «не защита». Только и всего. Но этот козырь оказался самым сильным. Зато теперь, через двадцать лет, я с гордостью могу сказать: «И я там был». Но если серьезно — то, что я там увидел, не может сравниться ни с чем. Возможно, это была «машина времени», показавшая нам, ныне живущим, что ждет наших потомков. Возможно...

Те несколько фотопленок, которые я отснял в Зоне, — они все оказались засвеченными. Простая случайность, последствие твоей небрежности — утверждали дозиметристы, выдавшие мне по окончании командировки такую справку об облучении, которую теперь и показать-то неудобно — такая до смешного маленькая доза облучения там «нарисована». Но, с другой стороны, вспоминается история открытия радиоактивности. Напомню: радиоактивность открыл в конце позапрошлого века Анри Беккерель, после того как случайно оставил вечером рядом с солью урана неиспользованные фотопластинки (пленок еще не было). Утром, придя в лабораторию, он обнаружил, что пластинки «кем-то» засвечены.

Экспедиция наша состояла из небольшого пассажирского теплоходика, с капитаном, а также боцманом, коком, штурманом, мотористом — в одном очень колоритном лице. К этому экипажу были прикомандированы несколько сухопутных научных сотрудников. Судно ходило зигзагами поперек Киевского моря, заходило в притоки Днепра, в том числе и в речку Припять, — в общем, обследовало весь водный бассейн от АЭС до Киевской плотины. Время от времени мы вставали на якорь — делали станцию, — и тогда сотрудники производили свои замеры, отбирали пробы донного ила при помощи оригинального пробоотборника, внешним видом сильно напоминавшего первые ракеты академика Королева, — а потом снова двигались дальше.

Местные рыбаки, которые как ни в чем не бывало продолжали ловить рыбу, быстро пронюхали, что на нашем теплоходе есть хорошая радиометрическая аппаратура, и, сами того не зная, занялись «бартером»: подходили к нам во время отбора проб и меняли рыбу на измерение ее радиоактивности. Надо сказать, что рыба не донных пород (судак) была «чистой», только кости слегка «фонили». А вот сети рыбацкие, которые часто соприкасаются с дном водоема, были радиоактивными. Но это уже никого не пугало.

Собранные нами образцы фунта, растений, той же рыбы потом анализировали на содержание цезия, стронция, плутония и других «веселых» элементов. По результатам измерений составляли карты радиационной обстановки. Смысла в этой работе было не слишком много по двум причинам. Во-первых, ведущий специалист Украинского ядерного центра, который совместно с нашим институтом участвовал в экспедиции, на первой же планерке заявил, что он знает акваторию как свою дачу.

— Я знаю, где оно легло, — гутарил он с обворожительным акцентом, имея в виду цезий-137, — и где еще ляжет. Так что ничего нового ваша экспедиция мне не откроет!

И не верить ему было нельзя, потому что этот человек умудрился продать свою вышеупомянутую дачу, находившуюся в 30-километровой зоне аварии, за две недели до того, как она случилась! Перед таким даром предвидения оставалось только снять шляпу и съесть ее. Во-вторых, американские спутники-шпионы тоже не дремали. Они непрерывно передавали своему начальству карты радиационной обстановки, аналогичные нашим. А оно, начальство, по дипломатическим каналам передавало эти карты к нам в страну. Когда мы сравнивали «их» карты и наши, добытые ценой облучения людей, то всякий раз убеждались, что наши приборы и методики не врут.

И все же кое-какой толк в нашей работе был. Однажды мы зашли в один из притоков Днепра в месте, которое называлось Страхолесье. Ни больше ни меньше! И, когда сделали замеры, обнаружили, что там как раз ничего страшного нет и вообще сравнительно «чистое». Теперь на этом, разведанном нами месте стоит новый город энергетиков — двойник погибшего города Припять. И называется он скромно — Зеленый Мыс...

Киев встретил нас очарованием городского южного пейзажа и поначалу непонятным ощущением всеобщей агонии. Это было массовое помешательство, вызванное коллективным воздействием нескольких факторов: йодного облучения, страха, безысходности, отсутствия достоверной информации и еще чего-то, невыразимого словами, но отчетливо выражавшегося взглядами, молчанием. Может быть, это было отражением самого страшного для любого живого существа состояния — непонимания того, что с ним происходит. Тот, кто хотя бы раз побывал на мясокомбинате, меня поймет. И только через несколько часов после приезда нас наконец осенило: так вот что делает эту обстановку трагической до безумия — полное отсутствие на улицах города детей! Видимо, возможность такого вселенского конца заложена в нас генетически и по этой же причине вызывает глубочайшую депрессию.

И еще мне показалось, что эта болезнь заразительна. Во всяком случае, наши сотрудники через несколько часов после приезда тоже начали «чудить». Помнится, один видный ученый, профессор, лауреат, вполне интеллигентный человек, да к тому же и в летах, прогуливаясь по Крещатику, вдруг отпустил в адрес одной юной особы совершенно неуместную,

неспровоцированную и абсолютно непристойную скабрезность.

Прошли годы, много накопилось в памяти всякого, еще больше из нее ушло, но эти две с половиной недели, несмотря на отсутствие фотографий, хранятся в ней так же надежно, как и в первые дни после возвращения оттуда. По крайней мере, так мне кажется...

Мне и моим коллегам еще повезло в том, что мы располагали хорошей радиометрической аппаратурой, позволявшей фиксировать малейшие отклонения от естественного радиационного фона. Остальные жители города Киева, видимо, не имели ничего, кроме фотоаппаратов. Поэтому мы, сотрудники экспедиции, были для них не то чтобы богами, но, пожалуй, инопланетянами. Мы и только мы могли «померить» излучение от любого предмета и сказать — «чистый» он или «грязный». Первым делом мы провели показательные выступления в гостинице «Москва», что на Крешатике, на площади Поющих фонтанов (теперь— Майдан Незалежности), где нас поселили. Внутри отеля было сравнительно чисто — сказалось хорошее качество оконных переплетов, а вот снаружи, на подоконниках, мы зафиксировали 10-кратное превышение фона.

В один из вечеров, свободных от работы в Зоне (куда мы уходили на несколько суток), нас пригласили в гости две красавицы-киевлянки. Приглашая, попросили, чтобы мы захватили с собой приборы. Как оказалось, именно приборы и были главной целью приглашения, а вовсе не мы. Измерили радиационную обстановку в квартире, выпили, закусили — и до свидания. А мы-то думали...

В другой раз я навестил папиного фронтового друга-однополчанина. Этот человек с семьей уехал из Киева сразу после Катастрофы, наглухо закрыв квартиру. Вернулся в город через два месяца, надеясь, что самое опасное время миновало. И тут прихожу я с радиометром, и выясняется, что у него все в квартире радиоактивное — ковры, мягкая мебель, одежда...

По вечерам на будущем Майдане Незалежности группами собиралась молодежь. Парни и девчата сидели на чем придется и понуро молчали. Фонтаны тоже молчали — не работали. В разных местах Зоны только временами наблюдалось движение: проезжала поливальная машина, только вместо обычной воды из ее штуцеров лился дезактивирующий раствор, сильно пахший аммиаком.

И еще о картинах. В единственный за две недели выходной, шатаясь по городу, я забрел в собор. Кажется, Владимирский. Вошел — и опустился на чудом подвернувшийся табурет. Четыре огромных полотна: Спаситель, Богоматерь и два апостола, все — во весь рост. Врубель. А лики?! Батюшки-светы! Типичные родные еврейские лица. И несказанная печаль на них, как будто они знают обо всех будущих трагедиях своего народа.

Это в Киеве. А что сказать про Зону? В разных местах Зоны было тоже по-разному.

Однажды мы причалили к берегу, на котором стоял дачный поселок Президиума Верховного совета Украинской ССР. Более радиоактивного места, чем это, нам не попадалось. Это при том, что все берега в Зоне аварии вообще были сильно «грязными»: естественный фон превышался в сотни и тысячи раз. Особо чувствительную аппаратуру, которая была у нас на борту, зашкаливало всякий раз, когда мы подходили к берегу. Зато на фарватере радиации не было: все радионуклиды, попавшие в воду в первые недели после взрыва реактора, уже лежали на дне, в так называемых «застойных» зонах. Фактически мы занимались тем, что поднимали эти радиоактивные осадки на борт — вместе с образцами донного ила — и складывали на палубе нашего «крейсера». Кроме того, мы время от времени приставали к берегу и собирали образцы разных растений, в частности грибов. Между прочим, среди образцов наибольшим излучением отличались именно грибы. В связи с этим напрашивался новый вариант старой аксиомы: «Грибы на корабле приносят несчастье».

Через несколько дней подобной деятельности наше судно начало «светиться», а приборы — «шалить». А на бак (нос) нашего суденышка, где хранились образцы, просто невозможно было сунуть носа. И это стало сигналом к возвращению на базу, то есть в Киев. Выгрузив там «улов», мы снова возвращались в Зону. А радиоактивные образцы отправляли в

Ленинград, в лаборатории нашего института, изучавшие поведение радионуклидов в речной, морской и океанской воде. Нельзя было не использовать уникальную ситуацию, когда огромное количество различных радионуклидов попало в природную среду. Надо было отслеживать то, как они будут расползаться по планете, заниматься радиохимическим мониторингом. По нашей вине начался этот глобальный эксперимент. И пусть не при нашей жизни он закончится, наше поколение обязано принять в нем посильное участие.

Из всего, что хранится в памяти, можно выделить пять невероятных эпизодов, которые наиболее рельефно отражают весь сюрреализм тогдашней обстановки. Я давно придумал им названия — и теперь хочу, чтобы под этими названиями они стали известны другим людям. Начну с последнего по времени эпизода. Самого фантастического, на мой взгляд. Впрочем, судите сами...

НАЛЕТ НА «БАБУ»

В последний день командировки я заехал в поселок Чернобыль, чтобы оформить документы — там находилась администрация Зоны. В Чернобыль из Киева можно было добраться на двух автобусах — «чистом» и «грязном». Первый курсировал между Киевом и границей Зоны, второй — внутри Зоны. Обратно в Киев я улетел вертолетом. В «вертушке» нас было четверо: два летуна и два пассажира. Моим попутчиком оказался наладчик роботов, использовавшихся для сбора кусков ядерного топлива, разбросанного взрывом по крыше машинного зала четвертого энергоблока. Об этих роботах тогда много писали: естественно, о том, какие они замечательные, как они помогают предотвращать облучение людей, работая в самых опасных местах, и прочее... Всю дорогу наладчик рассказывал мне, как они часто ломаются, не выдерживая ни сильного даже для роботов радиационного облучения, ни воздействия высоких температур. (Ядерные реакции разогревали все вокруг до нескольких сотен градусов!)

В какой-то момент я отвлекся от его рассказа, посмотрел в окно и обомлел: прямо на нас неслась огромная рука с еще более гигантским мечом! От неожиданности я громко вскрикнул и, может быть, не совсем нормативно. В следующее мгновение вертолет изменил курс, заложив крутой вираж, и увернулся от удара мечом! А еще через несколько минут, когда «вертушка» села, летчики дружно благодарили меня за «спасение» борта. Выяснилось, что они всегда, летая из Зоны в Киев, использовали этот огромный обелиск, «Родину-мать», прозванный киевлянами попросту «Бабой», в качестве удобного ориентира при полете над городом. Подлетая к городу, они сначала держали курс прямо на «Бабу», а потом, в определенной точке, отворачивали от монумента. Почему они не отвернули в точке в тот раз — они и сами не знали. Но совершенно уверенно утверждали, что, если бы я не вскрикнул, они бы не отвернули...

ОБМАНУТЫЙ ГЕНЕРАЛ

Эта история приключилась за полчаса до этого полета. Перед тем как я сел в вертолет, произошло вот что. Управившись с делами в Чернобыле, я встретил друзей студенческих времен, занимавшихся дезактивацией станции, и, конечно, не смог устоять перед их гостеприимством. А надо сказать, что самый любимый российский напиток широко использовался в Зоне — как для подъема боевого духа ликвидаторов, так и в соответствии с рецептом Высоцкого «лекарство от стронция». То есть, в конечном счете, для внутренней дезактивации организма. Поэтому у моих институтских друзей спирта было — залейся... Так я опоздал на последний «грязный» автобус. Следующий был только завтра утром. А ехать, как всегда, было надо сегодня: утром меня уже ждало место в самолете, в киевском аэропорту Борисово.

Те же друзья, благодаря которым я опоздал на автобус, подсказали, что можно попробовать подсесть на попутную «вертушку», — и подбросили меня на своем микроавтобусе до местного аэродрома. Выйдя из автобуса, я заметил группу военных в новой в то время «афганской» форме. Они смотрели в мою сторону. Вдруг один из них отделился от своих товарищей и быстрым шагом направился прямо ко мне. Что за черт? Когда он приблизился, я

разглядел на погонах его полевой формы генеральские звезды!

— Где вы запропастились? — на ходу кричал он мне. — Мы вас уже час ждем, «вертушку» не отправляем!

Этот вопрос естественным образом лишил меня дара речи. Спасла от «провала» предшествовавшая заправка ректификатом у приятелей. Благодаря ей я сохранил естественность движений и поступков: не отвечая на вопросы, пожал руку авиационному генералу и залез в вертолет, который тут же взревел своими двигателями.

И только потом, протрезвев, осознал, какое удивительное приключение подарила мне судьба. Нечто подобное можно встретить разве что в исторических анекдотах (Боккаччо) да у великих драматургов прошлого (Шекспир). Что произошло потом, вы уже знаете. Теперь генерал... Думаю, это был тот самый генерал-вертолетчик, отличившийся в Афгане, переброшенный со своим соединением в Чернобыль и успевший получить Звезду Героя незадолго до своей кончины от лучевой болезни.

НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ЗОНЫ

Весь срок командировки я проработал в плавучей экспедиции. И только в последний день попал собственно в поселок Чернобыль, и то только для того, чтобы оформить документы. Выйдя из «грязного» автобуса, первым делом навестил знакомых сотрудников нашего института. Они вместе со своей измерительной аппаратурой помещались в поселковой типографии. Коллеги объяснили, что там оказался самый низкий во всем поселке радиационный фон.

Пообщавшись со своими, выяснил, где отмечают командировочные документы и где можно перекусить. В столовой кормили по талончикам, как и на всех объектах Министерства среднего машиностроения, в переводе с секретного на русский язык — Министерства атомной промышленности. Там оказалась огромная очередь рабочего люда и не оказалось... туалета. А после обеда он понадобился. И вот, выйдя из столовой, я отправился на его поиски. Сначала шел по какой-то улочке, навстречу попадались люди, а вот туалетов на ней не наблюдалось. Тогда свернул в переулок. Прошел метров 20 — 30 — ни души! Наконец-то!

Однако, пока занимался этими поисками, ни о чем другом не думал, окружающую обстановку не анализировал. И зря! Потому что после того, как сделал свои дела, посмотрел вокруг — и обомлел: улочка была «целинной», по ней, наверное, с момента аварии, то есть три месяца, никто не ходил. Дома стояли явно брошенные. Из-за забора высовывались ветви грушевого дерева, на них висели груши невиданного размера. Оглянувшись назад, обнаружил за собой следы в пыли, глубина которых напоминала картинки с места посадки лунной кабины. И тут вспомнился инструктаж в начале командировки: по Зоне передвигаться только по обозначенным маршрутам. А я свернул! И без нормального прибора. Все приборы остались на судне. «Таблетка», которую выдали нам перед началом работы в Зоне, — не в счет: по ней ничего нельзя узнать, пока не сдашь ее в дозиметрическую службу...

Ничего другого не оставалось, как развернуться и по своим следам убраться из злополучного переулка. По возвращении из командировки прошел проверку на «человеческом счетчике». Это прибор, который показывает, сколько и каких радионуклидов находится в твоем организме. Счетчик показал, что я «чистый». Так мне сказали. И у меня не было оснований не верить. Проблемы со здоровьем замаячили на горизонте только через несколько лет...

ЛАСТОЧКА НА ПЛЕЧЕ

Это самая короткая история. Однажды, когда наше судно шлюзовалось на пути из Киева в Зону, я сидел на палубе и смотрел, как ловят рыбу дозиметристы, дежурившие на шлюзе. Они просто дожидались, когда из шлюза будет спущена вода, спускались на дно шлюза и собирали судаков, не успевших вовремя уплыть, не забывая проверять при этом уровень их радиоактивности.

Вдруг на мое плечо опустилась... ласточка. Из тех, что никогда не садятся на землю. Я онемел. Я почувствовал себя персонажем из сказки Андерсена и задержал дыхание. А она посидела с минуту, как ручной попугай или скворец, —

и улетела. Это все. Интересно, кто-нибудь когда-нибудь видел такое? Ведь известно, что эти птички даже на деревья не любят садиться, предпочитают провода. Но что же общего между этими тремя историями? Ответ очевиден: все их участники — облученные существа! И вертолетчики, и их командир, и — ласточка. Поэтому их поведение было столь необычно, непонятно, ни с чем не сообразно.

И наконец последняя история.

ДВОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ ЧЕРПАКА

Однажды наше судно отправилось в Чернобыль за... продуктами питания. В силу обычных бюрократических игр снабжение нашей экспедиции осуществлялось не из Киева, что было бы вполне естественно, а из административного центра Зоны (хорошо, хоть не из центра АЭС!). Чтобы не терять драгоценное время пребывания в Зоне на бесполезное плавание, научные сотрудники решили, что один из них, Виктор, отправится за продуктами, а остальные, Стае и Давид, тем временем проведут радиационные измерения из спасательной шлюпки. На нее перегрузили аппаратуру, посадили сотрудников и спустили на воду. Так мы остались одни на реке Припять. Нашей задачей было проплыть от одного берега до другого, измеряя радиационный фон, — как у нас говорили, «сделать профиль». Капитан судна обещал вернуться примерно через час и забрать нас: до поселка Чернобыль теплоходу полчаса ходу. Ширина Припяти и ее течение позволили нам закончить измерения уже через час. И тут выяснилось, что лодка заметно протекает, теплохода не видно, смеркается, к берегу пристать нельзя, потому что там приборы сильно зашкаливало — жалко приборы! Но — опять повезло. Вообще, мне везло с этой командировкой. В этом месте на реке стоял поплавок — бакен, обозначавший фарватер. Мы не без усилий пришвартовались к нему и несколько часов по очереди изо всех сил при свете бакена (луны не было, фонарика — тоже) черпаком усердно перегружали воду из лодки — обратно в реку Припять. Потом выяснилось, что наше судно опоздало из-за того, что не могли найти кладовщика, отпускавшего продукты.

Перед поездкой в Чернобыль в институте мне выдали таежный «противоэнцефалитный» костюм. Он состоял из штанов и штормовки, снабженных множеством тесемочек для завязывания — «чтобы клещ не прополз». Я честно взял его с собой, но, каюсь, ни разу не надел в Зоне. Пожалел. Такие не продавались — только выдавались. В тайге он, действительно, от комаров и мошки спасает. Я потом проверил. А вот от гамма-излучения — увы. Так что я теперь храню его как сувенир из Чернобыля. А вот обычный костюм, в котором прилетел из Киева, я снял в парадной нашего дома и с удовольствием отнес на помойку. Мало ли что. Не нести же его в квартиру...

Д.Гуревич

Источник: Звезда.-2010.-№ 4.-С.126-132.